

УДК 821.161.1

Чаусова И.В.

Московский государственный областной университет

**МИР ДОМА И ЕГО ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
В РАННИХ СБОРНИКАХ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ**

I. Chausova

Moscow State Regional University

**HOME WORLD AND ITS PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC VALUE
IN THE EARLY COLLECTIONS OF M. TSVETAEVA**

Аннотация. Статья посвящена одной из наименее изученных в современном цветаяведении тем – ранней лирике поэтессы. Образ дома рассматривается в статье на материале первых двух цветаяевских сборников – «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912). Данное исследование позволяет раскрыть многообразие мотивов и тем, которые появляются в ранней лирике Цветаевой при воссоздании мира дома. Большое внимание в статье уделяется изучению психологического состояния лирической героини, находящейся на пороге взрослой жизни. В данном исследовании последовательно проанализирован эмоциональный фон ряда стихотворений двух сборников, что также позволяет понять своеобразие философско-эстетических взглядов М.И. Цветаевой, положенных в основу её раннего творчества.

Ключевые слова: цветаяеведение, ранняя лирика, образ дома, философско-эстетические взгляды, лирическая героиня, эмоциональный фон, психологическое состояние.

Abstract. The article is devoted to one of the least analyzed themes in the modern study of Tsvetaeva's works – her early poems. The image of home is reviewed in the article on the material of the first two collections of Tsvetaeva – «Evening Album» (1910) and «Magic Lantern» (1912). This study allows to reveal the variety of motifs and themes that appear in the early poetry of Tsvetaeva when recreating the home world. Much attention is paid to the study of the psychological state of character on the threshold of adulthood. This study covers the emotional background of number poems from these two collections, which also allows to understand the peculiarity of philosophical and aesthetic views of M. Tsvetaeva that was the basis of her early works.

Key words: study of Tsvetaeva's works, early poems, the image of the home, philosophical and aesthetic views, character, emotional background, psychological state.

Образ дома, как символ начала всех начал, проходит сквозной линией через всё пространство творчества М.И. Цветаевой. На данный момент уже существует ряд литературоведческих исследований, в которых так или иначе затрагивается тема дома в поэзии Цветаевой, но то значение, которое она несёт в ранней лирике, до сих пор остаётся нераскрытым и недооценённым. Нам хотелось бы, по мере возможности, восполнить этот пробел, поскольку именно два первых цветаяевских сборника содержат в себе истоки тех мотивов и тем, которые получили своё развитие в позднем творчестве поэтессы. «Брести ... в дом, и не знающий, что – мой» [4, с. 328], – это трагическое ощущение присутствовало в её душе долгие годы эмиграции. Куда бы ни приводила Цветаеву судьба в ту пору, она ясно осознавала: «всяк дом мне чужд» [4, с. 328]. Тоска, горечь потери, чувство безысходности и печаль –

такими эмоциями окрашено обращение к образу дома в дальнейшем творчестве Цветаевой. Однако в ранней лирике родной дом является для лирической героини символом покоя и гармонии.

И. Шевеленко в своей книге «Литературный путь Цветаевой» писала, что «Вечерний альбом» – до некоторой степени юношеский конспект «будущей Цветаевой» [5, с. 38], однако так можно сказать не только о «Вечернем альбоме», но и о «Волшебном фонаре», поскольку обе книги вышли одна за другой, с перерывом всего в два года.

В «Вечернем альбоме» уже со второго стихотворения перед нами раскрывается атмосфера дома лирической героини сборника. Её жизнь существует в нескольких измерениях: это заманчивый и непознанный мир природы, который захватывает своей таинственностью, это реально существующий в её воображении мир художественной литературы, а также мир домашнего уюта, который неразрывно связан с детскими воспоминаниями автора. Описание дома в первом сборнике имеет автобиографический характер. Для сестёр Цветаевых их дом был родной стихией, местом, где можно укрыться ото всех невзгод. В детских играх маленьких Аси и Муси дом предстал сказочным царством с чудесными героями и перевоплощениями.

В стихотворении «**В зале**» мы видим, как обыкновенный вечер в стенах родного дома превращается в удивительное приключение. Зала становится основной сценой для волшебных событий, местом для того театрального действия, которое разворачивается в сознании юных обитательниц дома. С наступлением темноты в ней начинают происходить загадочные вещи. «Темнеет высокая зала, // Уходят в себя зеркала... // Не медлим! Минута настала! // Уж кто-то идёт из угла. // Нас двое над темной роялью // Склонилось, и крадется жуть. // Укутаны маминой шалью, // Бледнеем, не смеем вздохнуть» [3, с. 19]. Мамина шаль оказывается здесь символом защищённости детей от враждебных сил. И мы видим, что девочки, несмотря на страх перед

неведомым, выигрывают в этой воображаемой битве, потому что стены родного дома всегда помогают почувствовать себя в безопасности и одержать победу над возникающими под вечер лицами «тёмных» в уютной зале.

Автор, едва расставшийся с детством, прекрасно помнит свой недавний опыт. Поэтому в стихотворении «**Мирок**» Цветаева с особым трепетом говорит о том, из какого множества символических деталей складывается мир детства. И, безусловно, он неразрывно связан с образом родного дома, в котором начинают свой жизненный путь юные создания. Давая определение понятию «дети», поэтесса не может не вспомнить о сладкой атмосфере дремоты в детской комнате или же о вечернем чтении на диване в зале. «Дети – это вечер, вечер на диване, // Сквозь окно, в тумане, блески фонарей, // Мерный голос сказки о царе Салтане, // О русалках-сёстрах сказочных морей» [3, с. 19]. Вечера, проведённые за чтением книг, – один из важнейших символов детства для Цветаевой, воплощение домашнего уюта и чувства умиротворённости.

Героиня стихотворения «**Книги в красном переплёте**» с особой теплотой вспоминает счастливые вечера, проведённые дома за чтением книг: «Дрожат на люстрах огоньки... // Как хорошо за книгой дома! // Под Грига, Шумана и Кюи // Я узнавала судьбы Тома» [3, с. 40]. Цветаева использует здесь глаголы и в настоящем, и в прошедшем времени («дрожат», «узнавала»), словно стремясь соединить воедино события прошлого и настоящего.

В первом сборнике образ дома часто связан с волшебными превращениями, которые в сознании лирической героини преобразуют комнаты в загадочный лабиринт, полный неизвестных существ, или же в манящую сказочную страну, которая переходит со страниц книги в реальную жизнь. Подобные метаморфозы мы наблюдаем в стихотворении «**Первое путешествие**»: «Плывите!» – молвила Весна. // Ушла земля, сверкнула

пена, // Диван-корабль в озёрах сна // Помчал нас к сказке Андерсена» [3, с. 22]. «Проводником» в мир приключений становится «Чародей» – герой двух первых сборников, прототипом которого стал друг юных сестёр Цветаевых, поэт Эллис.

Однако каждое путешествие рано или поздно заканчивается, и на смену волшебным образам из сказок приходит реальность, возвращение в которую всегда нелегко переносится впечатлительной детской душой. С сожалением приходится понять, что корабль снова стал просто диваном, а перед глазами вновь оказывается знакомый отцовский кабинет. Таким образом, дом в одно мгновение переносит героиню из удивительной грёзы в обычную, повседневную жизнь: «Вдруг — звон! Он здесь! Пощады нет! // То звон часов протяжно-гулок! // Как, это папин кабинет? // Диван? Знакомый переулок?» [3, с. 23]. Здесь угадывается явная переключка со сказкой «Золушка», где со звоном часов волшебство феи прекращает своё действие. Сказочные превращения являются неотъемлемой частью поэтического мира первых сборников Цветаевой, поэтому вслед за первым путешествием мы видим второе, не менее захватывающее.

Описывая в стихотворении «**Второе путешествие**» момент проникновения в загадочный мир, автор подчёркивает: на пути к достижению заветной цели необходимо преодолеть все свои страхи: «Нет возврата. Уж поздно теперь. // Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты, // Отвори нам желанную дверь, // Покажи нам заветные комнаты» [3, с. 23]. Желание увидеть «заветные комнаты» оказывается сильнее страха.

Образ матери для Цветаевой навсегда остаётся связанным с образом дома, домашнего очага. В своих стихах она часто сливает эти образы воедино: «Красную мебель, отраду детей, // Мама в чехлы одевает... // Это всегда так бывает // После гостей!» («**После гостей**») [3, с. 114]. Материнский портрет в её первых сборниках нередко возникает в ореоле музыки: «В зале – дрожащие звуки... // Это тихонько

рояль // Тронули мамины руки («**Пробуждение**») [3, с. 114]. По тем свидетельствам, которые мы находим в книге А.И. Цветаевой «Воспоминания», можно судить о том, что дом, в котором воспитывались обе сестры, при жизни Марии Александровны всегда был наполнен гармонией – в самом широком смысле этого слова. Однако после её смерти атмосфера в доме резко меняется. На смену прежней беззаботности к юным сёстрам приходит чувство одиночества и грусти. «С ранних лет нам близок, кто печален», – пишет Цветаева в стихотворении «**Маме**» [3, с. 102].

Мать, на которую равнялись дочери, которая познакомила их с первыми книгами, привила им любовь к искусству и всему прекрасному, словно забрала и унесла с собой из дома всю детскую весёлость и безмятежность, поэтому теперь девочкам «скучен смех и чужд домашний кров» [3, с. 102]. В особенно тяжёлые минуты дом кажется им опустевшим и чужим пристанищем, в котором они продолжают жить после случившегося горя, а в их душе появляется ощущение неприютности: «Наш корабль не в добрый миг отчален // И плывёт по воле всех ветров!» [3, с. 102]. В ранней цветаевской лирике дом возникает и как свидетель первых романтических чувств лирической героини: «В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме... // (В нашем доме, весною...)» («**Кроме любви**») [3, с. 61]. Встревоженная душа сравнивается с незапертым домом. Эти два образа не раз соединяются в стихах Цветаевой.

Однако мы видим, что влюблённая героиня ещё не готова сделать решительный шаг навстречу своему чувству, то есть переступить порог между детством и юностью. Об этом переходе и говорит автор в стихотворении «**Детская**». Само название специальной комнаты в доме, предназначенной для детей, приобретает здесь символическое значение, обобщающий смысл. Вспыхнувшие чувства так непривычны, что они пугают юное сердце: «Мы из детской уйти не хотели, // Вместо сказки не жаждали бреда... // Если можешь – пойми!» [3, с. 63].

Эта же мысль находит своё развитие в стихотворении **«Втроем»**. Здесь детская комната снова стала не только свидетельницей, но и участницей всего происходящего: «Тише, сестрички! Мы будем молчать, // Души без слова сольем. // Как неизведанно утро встречать // В детской, прижавшись, втроем...» [3, с. 54].

Детская часто появляется в ранних стихотворениях Цветаевой. В этой комнате всегда царит атмосфера непосредственности, безоблачного счастья и веселья. Поэтесса упоминает разнообразные приметы жизни ребёнка в этой особенной комнате: «И летят из детской // Песенки немецкой // Глупые слова» (**«Детский день»**) [3, с. 119]; «Вечер в детской, где с куклами сяду...» (**«Литературным прокурорам»**) [3, с. 172].

Зала, как мы уже отмечали, представляет собой особый мир, полный детских надежд, переживаний, мечтаний, фантазий. Видимо, поэтому в стихотворении **«Наша зала»** она становится не просто помещением в доме, который так дорог автору, а одушевлённым существом, способным сопереживать лирической героине, дать ей совет, поддержать в трудную минуту: «Мне тихонько шепнула вечерняя зала // Укоряющим тоном, как няня любовно: // – «Почему ты по дому скитаешься, словно // Только утром приехав с вокзала?» [3, с. 64]. Зала, как добрая няня, готова помочь героине, но в то же время может и «пожурить» её. Царящий в комнате беспорядок словно зеркально отражает смятение в душе героини.

Волшебное превращение старинной залы в собеседницу, подругу становится возможным лишь в поэтической фантазии Цветаевой, но этот чудесный момент единения с родным домом показывает, насколько дорого это место для лирической героини. Не сразу решившись открыть свои чувства, героиня, тем не менее, понимает, что роднее и надёжнее, чем стены этой комнаты, у неё ничего в данный момент нет, ведь здесь прошло её детство, здесь печально бродила когда-то её «одинокая мама» [3, с. 64].

О тесной взаимосвязи переживаний лирической героини и залы говорится и в стихотворении **«По тебе тоскует наша зала»**. Зала словно несёт в себе отражение внутреннего мира героини: «По тебе тоскует наша зала, // – Ты в тени её видал едва – // По тебе тоскуют те слова, // Что в тени тебе я не сказала» [3, с. 65]. Героиня вновь доверяет зале свои самые сокровенные тайны, раскрывает душу, поэтому для Цветаевой понятия «дом» и «душа» здесь сливаются воедино.

Каждая из комнат по-своему дорога лирической героине. Столовая – ещё одно место в доме, с которым связаны важные моменты в её жизни. Дом – это храм, в котором таятся самые заветные мечты, поэтому в стихотворении **«Молитва в столовой»** мы видим, как лирическая героиня просит у Бога счастья для любимого человека: «Самовар отшумевший заглох; // Погружается дом в полутьму. // Мне счастья не надо, – ему // Отдай моё счастье, Бог!» [3, с. 135]. «Зимний сумрак», проникающий в помещение, подчёркивает интимность переживаемого момента, а домашняя обстановка помогает и поддерживает героиню в эту минуту.

«Столовая» в одноимённом стихотворении становится единственным местом встречи для обитателей дома. Здесь они «четыре раза в день» видят друг друга, и вновь расходятся: «Все неустойчиво, недружелюбно, ломко, // Тарелок стук... Беседа коротка» [3, с. 89]. Сводная сестра поэтессы, В.И. Цветаева, писала: «Передо мной стихи Марины «Столовая». Говорят они о нашей семье, о времени, когда Марине было 15 лет, Асе – 13...» [5, с. 34]. Почему же создаётся впечатление, что все члены семьи живут своей жизнью? Видимо, необходимо вспомнить, что речь идёт о том периоде, когда не стало матери сестёр Цветаевых, и повзрослевшие Ася и Муся сильно отдалились от отца. При этом каждый из них тяжело переживал постигшее их горе.

Из «Воспоминаний» А.И. Цветаевой мы знаем, что удивительные вечера, проведённые дома с матерью, были счастливейшими

моментами детства Аси и Муси: «Зимними вечерами мы любили прилечь возле мамы на её постели, в тихой спальне, в час, когда угасали звуки дня <...> С нами засыпал чёрный кот Вася, и, когда, в общем тепле и уюте, его кто-нибудь трогал, он ещё глубже уходил в тёплую раковину своего тела <...>, односложно промурлыкав одно и то же. Мы это переводили «курлык». От него и все наши сонные короткие вечера стали зваться делать «курлык»» [3, с. 34]. Напоминанием об этой замечательной семейной традиции становится цветаевское стихотворение «**Курлык**»: «Детство: молчание дома большого, // Страшной колдуньи оскаленный клык; // Детство: одно непонятное слово, // Милое слово “курлык”» [3, с. 103]. Поэтесса перечисляет символы милого её сердцу, но давно ушедшего времени: дом, «курлык», сказочные персонажи, возникающие в воображении детей при наступлении вечера – всё это так дорого и значимо для неё, что сама атмосфера беззаботного детского счастья «воскресает под милое слово, детское слово «курлык»» [3, с. 103].

Любимые поэтессой «**Домики старой Москвы**» возникают в одноимённом стихотворении. В одном из таких домов жила и сама Марина Ивановна, поэтому так тяжело переживает она их исчезновение: ведь вместе с ними уходит история целых поколений, остаются лишь воспоминания о былом и грусть о невозвратном: «Домики с знаком породы, // С видом её сторожей, // Вас заменили уроды, - // Грузные, в шесть этажей» [3, с. 169]. Это стихотворение словно предчувствие, что дом в Трёхпрудном постигнет та же участь, непомерная тоска ощущается в каждой строке, и кажется, что Цветаева переживает за каждый разрушенный дом, как за свой родной. Сама Марина Ивановна верила в то, что дома обладают особым даром влиять на людей и их судьбы, она писала: «Мы никогда не узнаем, насколько комнаты старых домов, которые мы не замечаем, минуем – нас не замечают, нас, как волны старого моря минуют – в своём продолжении. Волны моря и рода, только изредка, по неучливой прихоти возвращают

через сотню лет берегу наше кольцо, наше лицо – правнуку» [1, с. 5].

Ощущение грусти, тоски по детству, по былому в полной мере передаётся читателю в стихотворении «**Прости волшебному дому**». Здесь перед глазами лирической героини постепенно всплывают все события, связанные с этим дорогим ей и столь любимым местом, и она начинает заново их переживать. Каждая деталь в доме навевает светлые воспоминания, и огромное чувство любви ко всему, что с ним связано, захватывает героиню: «В неосвещённой передней я // Молча присела на ларь. // <...> В эти минуты последние // Все полюбилось, как встарь» [3, с. 170]. Необыкновенная нежность к дому, с трепетом запечатлённая в стихотворении, передаётся и читателю: «целый психический мир» [1, с. 7], как называла особняк в Трёхпрудном Цветаева, предстаёт перед нами.

Возникает ощущение загадки и тайны, словно дом даже героине открыл не все свои секреты. Цветаева показывает, с каким уважением обитатели дома относились к нему – как к самому дорогому сокровищу. Дом отдавал им больше, чем они могли ему дать. Недаром лирическая героиня вспоминает здесь разные времена года, словно подчёркивая, что в любое время дом приносил счастье и радость всем, кто в нём жил: «Дом с небывалыми вёснами, // С дивными зимами дом...» [3, с. 170].

Каждый дом имеет свою историю. Перешагнув порог детства, повзрослевшие сёстры Цветаевы по-прежнему считали свой дом волшебным. Невольный свидетель их игр, место чудесных превращений и сказочных приключений, он таковым и остался для «царевен», преданно любивших его: «Зала от сумрака синяя <...> Светлые замки из инея // И ожиданье гостей. <...> // И через залу по лесенке // Стук убегающих ног...» [3, с. 170-171]. Стихотворение заканчивается многоточием, словно от избытка чувств прерываются мысли лирической героини, которая говорит «прости» волшебному дому. За что же она просит прощения? За то, что расста-

ётся с ним, или за то, что нельзя вернуть то далёкое и счастливое время? За то, что не звучат из детской «возгласы эти и песенки» [3, с. 171], не звенит звонок, оповещающая о приходе гостей? За то, что дом погрузился в тишину и ждёт, словно затаившись, новой жизни? Героиня поглощена воспоминаниями, перед её глазами, словно кадры кинофильма, проносятся те драгоценные моменты жизни в этом старинном особняке, которые она сохранит в своём сердце навсегда.

Образ дома занимает важнейшее место в ранней лирике М.И. Цветаевой. В дальнейшем он будет видоизменяться, неся совсем иную эмоциональную нагрузку. На смену беззаботно-радостным воспоминаниям лирической героини о «волшебном доме» придут бесконечные поиски пристанища для её растревоженной, скитальческой души.

Без сомнения, «тема дома (своего, родного) была сквозной в контексте всего цветаевского творчества» [1, с. 7], но её истоки

следует искать именно в первых сборниках поэтессы. Всё дальнейшее творчество отражает стремление Цветаевой вернуться к невозвратному, или хотя бы на миг вновь пережить те эмоции, что мы видим на страницах её ранних поэтических книг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Соснина Е. Б. Музы Трёхпрудного переулка. Неизвестное о семье Цветаевых в письмах, фотографиях, документах. – М.: Дом - Музей Марины Цветаевой, Иваново: Издательский дом «Референт», 2005. – 296 с.
2. Цветаева А. И. Воспоминания. – М.: Советский писатель, 1984. – 368 с.
3. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3-х томах. Том 1. Стихотворения и поэмы 1910-1920. – М.: Прометей, 1990. – 655 с.
4. Цветаева М. И. Стихотворения. Поэмы/ Вступительная статья, сост. и коммент. А. А. Саакянц. – М.: Правда, 1991. – 688 с.
5. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.